

Анатолий Мазуренко

Найти человека

Странная жизнь завертелась у Вячеслава Шевченко после окончательного ухода из семьи. В квартиру, оставленную бывшей жене и дочке, он заявлялся редко, когда переночевать было негде, а в основном совершал бесконечное перемещение, напомиравшее броуновское, от одной сердобольной тетки к другой. Тетки его любили. А он?

– Не накуриваюсь, – жаловался Маргаритычу после дежурных двухсот пятидесяти никогда не бравший в рот сигареты Славчик.

Друзья уже пару часов сидели в уютном гендэлике, как стал, переехав в столицу, выражаться Вячеслав. Приезд из родного города Маргаритыча (таким уж отчеством наградили его романтически настроенные дед с бабкой, назвав сына Маргаритом) плюс выпитая бутылка водки настроили обоих на сентиментально-плаксивый лад.

– Неуютно живу, неправильно, – казалось, еще немного – и из глаз Шевченко потекут слезы. – Промискуитетное существование какое-то получается. Но я ведь не Чингисхан, я – обыкновенный человек, которому в смутную минуту просто хочется прильнуть к плечу близкого человека. Женщины, – зачем-то уточнил Славчик.

– Не скули. Неужели среди твоих подруг, на дефицит которых ты никак не можешь жаловаться (в голосе Олега Потенина, то бишь Маргаритыча, проскользнули ревнивые нотки), не нашлось хотя бы одной, с кем можно было бы провести последние 20-30 лет жизни?

– В том-то и дело... Нет, честно, я всем им благодарен, но... Возьмем Любу – славная баба, но уж слишком увлекается выпивкой (заметь, это говорю я, в подобных вопросах более чем терпимый).

У Кати пол покрыт таким слоем пыли, что, надевая штаны, только и думаешь, чтобы не запачкаться. Оля из всех искусств важнейшим считает КВН...

– Ну, хорошо, а Настя, чем тебе Настя не угодила?

– О, Настя – самый страшный человек: она – директор советской власти.

– Послушай, стоит ли обращать внимание на подобные мелочи (Настю, так и быть, вынесем за скобки)? Без риска даже рыбку из пруда не выловишь. Может, как первый раз с парашютом, закрыть глаза и броситься с головой в омут?

– И благополучно в нем погибнуть? Хватит, один раз уже попробовал. Нет, старый, на случай тут полагаться нельзя.

– Нас всех подстерегает случай, – блеснул эрудицией Маргаритыч.

– Кирпич (то есть жена) ни с того ни с сего никому никогда на голову не свалится, – парировал Славчик.

Технари по образованию, они, как и многие советские инженеры, по части знания и понимания русской культуры могли дать фору иным гуманитариям.

– Да, старый, – продолжал упорствовать Вячеслав. – На случай в таких делах полагаться нельзя. За примерами далеко ходить не надо. Помнишь, как Серж женился в первый раз? Увидел Светку – и сразу голову потерял. Любовь! С первого взгляда! И чем все закончилось? Ушла без малейших сожалений, не говоря уж об угрызениях совести. Потом вздыхал: «Она такая, такая... Коленку погладишь – влага сквозь трусики проступает». А что толку? Как человек широких взглядов он какое-то время терпел поглаживание ее коленок чужими руками, но в конце концов не выдержал. Потом ныл недели две: «Я страдаю. Я так страдаю!». Зато после полученного урока стал вести себя осмотрительнее: в поисках супруги составил план, определился с критериями.

– Да ладно, знаю я эти критерии.

– Не спорю, возможно, он с ними несколько перегнул палку. Искал женщину умную, но не слишком, дабы не подавляла интеллектом. Красивую, но не яркую: и друзьям не стыдно показать, и они на нее не позарятся. Скромную, но не застенчивую. Обеспе-

ченную, но не настолько, чтобы быть материально независимой. Строгих правил, но не ревнивую. И чтобы щиколотки не были слишком широкими. Смешно, но нашел же в итоге! Что скажешь? Я ее, правда, еще не видел...

– Угу, план, критерии... Хочешь знать, как дело было? Изволь. С этой Валею я познакомился раньше Сережи. Ее в дом привела Ленка, моя жена. Вернее, на дачу своего дальнего родственника, который по контракту еще с советских времен внедряет цивилизацию где-то в центре Африки. До сих пор внедряет, хотя СССР давно кончился. Так что дача с марта по ноябрь находится в нашем распоряжении.

Валька тогда проживала в небольшом молдавском городке и училась на заочном на одном курсе с Леной, где они и сдружились. На меня она произвела двойственное впечатление: фигура – старик, закачаешься, физиономия тоже ничего – тут Сержик в точку попал. Не глупа. Но какая-то озабоченная. Как выпалит в разгар пирушки: «Чего сидим, поехали в центр мужиков снимать!» – так меня оторопь берет. И вожделение, которое, признаюсь, меня буквально распирало в кругу пришедших в гости заочниц-студенточек, тут же напрочь исчезало.

– Вот и прокололся! Небось сам хотел ее трахнуть, а она тебя игнорировала. Ну, признавайся. Так ясное дело: мстишь Сережке мелко.

– Удивительная пронизательность! Дедуктивный метод! Лучше дальше слушай. Однажды Валентина заявила в отсутствие Ленки, укатившей в командировку. Как истинный джентльмен я не мог отказать человеку в ночлеге. Мысль о супружеской измене, чтоб ты знал, если и мелькнула в моей голове, то лишь на самой окраине сознания. Но, согласись, всю ночь слышать сквозь тонкую перегородку вздохи молодой красивой женщины – не самое безобидное испытание. И я, представь себе, его выдержал, хотя признаю, что хвалиться тут нечем. На следующий день специально прилично набрался по окончании рабочего дня с коллегами, но домой явился с бутылкой шампанского и с осознанием неизбежного. Неожиданное появление Сереги чудесным образом разрешило мои моральные терзания. Познакомив их, я со спокойной душой залег на верный диван и погрузился

в объятия Морфея. А после пробуждения ничуть не удивился заявлению Валентины, что она не хочет больше стеснять меня и оставшиеся несколько дней проведет у Сережи.

На следующий день Серж мне что-то плел об изломанной судьбе новой подруги, ее жизненных метаниях, которые никто не понимает, и прочий бред. Я, как показалось, его образумил, процитировав фразу, слышанную из Валиных уст не единожды: «Вам хорошо, у вас город большой, а в нашей деревне все мужики наперечет. Одни «афганцы» свободные, так кто без руки, кто без ноги».

– Вот так фокус, Серж мне ничего об этом не рассказывал. Кажется, наш друг вляпался.

– Погоди, это еще не все. Через пару месяцев так получилось, что мне пришлось искать прибежище у Сережи (не только у тебя проблемы в семье). Две недели я блаженствовал, но беззаботное существование прервалось самым банальным образом. Как-то вечером во время прослушивания свежайшей, вчера лишь привезенной из Москвы магнитофонной записи Жванецкого послышалось ворчание открываемого замка, и на пороге возникла она, Валентина. С двумя чемоданами в руках.

Соображаешь? Каких-то два месяца минуло, а она уже своим ключом отпирает входную дверь Сережиной квартиры! Я, конечно, будучи в подпитии, пытался их образумить, уговаривая ни в коем случае не вступать в брак. Убеждал, просил, даже умолял по пьяному делу... Она что-то лепетала, а он молчал, время от времени норовя погладить ее коленку.

А на следующее утро Серж разбудил меня в шесть утра: «Старичок, мне скоро на работу. Пора уходить». Но мне-то спешить было некуда, мне на службу – к десяти. А он, чуешь, отводя в сторону глаза, знает тупо повторяет: «Старичок, не обижайся, но нам обоим нужно уходить».

Вот тебе и критерии.

– М-да, я давно понял: если женщина в постели говорит, что ей ни с кем не было так хорошо, это значит – надо тикать, – сделал неочевидный вывод из услышанного Славчик. – Но твой печальный рассказ только доказывает: на случай полагаться нельзя, – вернул он к заявленной в начале разговора теме.

В это время за соседним столиком произнесли тост. Миловидная женщина, сидящая напротив Вячеслава, аккуратно поднесла рюмку с водкой к губам и стала пить маленькими глоточками, не морщась и не запивая. Опорожнив сосуд, она аккуратно подцепила вилкой малюсенький грибочек и, отправив в рот, зажмурилась, видимо, от удовольствия.

Соседей было трое. «Стильная», как стал про себя называть ее Славчик, судя по всему, пришла одна. И с какого-то момента внимание Шевы почти полностью переключилось на нее. Когда принесли очередной графинчик, Славчик, не обращая внимания на что-то рассказывающего друга, громко поблагодарил официанта и добавил, глядя на «стильную»:

– И вам спасибо.

– Мне? За что?

– Мало того, что вы красивая женщина и на вас приятно смотреть, но как замечательно вы пьете водку!

Через несколько мгновений столы объединились.

– Катя, – представилась новая знакомая.

– Вячеслав.

– Ой, моего сына тоже зовут Славиком!

– А у меня дочь – Катя. Это – знак!

– Вариации на тему «вы так похожи на мою маму»?

– Так вы еще в кинематографе разбираетесь! Нет, правда, я не вру, спросите у моего друга.

– При чем тут кинематограф? – встрял несколько раздосадованный Олег.

– Много лет назад шел по телевизору польский, кажется, фильм, в котором главный герой укладывал в постель женщин при помощи одного и того же приема – говорил им, что они похожи на его мамашу (дальше не помню). Получается, что мы с Катюшей оба смотрели это кино. Ну, чем не знак?!

– Я тоже подробностей не помню, но с постелью это вы погорячились. Там немного другая интрига.

– Мы оба не помним! Я же говорю – знак!

Катерина, как оказалось, возглавляла рекламный отдел в одной из расплодившихся в последнее время газет, одновременно подрабатывая риелторством. В данный момент они с клиентами

обмывали свершившуюся сделку. Клиенты, обрадованные тем, что сдыхались от утомительной, но обязательной процедуры, щедро расплатившись, засобирались домой. Катя пошла их проводить.

– Это моя женщина, – заявил Славчик.

– С чего это вдруг твоя? – возразил Маргаритыч.

– Я ее первый увидел.

– Но ты же сидел к ней лицом, а я – спиной. Так нечестно.

– Но у тебя есть семья, а у меня – нет. Это честно?

– Мало ли что семья! У меня, может быть, секса не было больше, чем у тебя.

Глупый спор прервала возвратившаяся Катя.

– Ну что, мальчики, может быть, тоже по домам?

– К сожалению, не могу пригласить вас в мои апартаменты, – начал манерно оправдываться Славчик. – У Олега же в столице вообще нет своего жилья – он приезжий.

– Вы так уверены, что я тут же согласилась бы пойти к вам в гости? Да еще в таком состоянии?

– Но в таком состоянии мы тоже не можем отпустить вас домой одну.

– Учтите, я живу далеко, туда метро не ходит.

– Разве расстояние когда-то являлось препятствием для завоевания понравившейся женщины? – неожиданно вставил Маргаритыч.

– Ох, все вы, мужики...

– Ни слова больше! Прошу вас! – умоляюще произнес Славчик. – Не надо портить впечатление банальностями.

Добирались действительно долго: сначала на метро, затем автобусом, плюс идти пришлось километра четыре. Складывалось впечатление, что дом, где проживала Катерина, стоял на самой границе между городом и лесом.

– Спасибо, что проводили, но обратно я вас в такую темень не отпущу. Метро уже закрылось, а на такси денег нет. Поэтому вот что мы сделаем, – предложила Катя, – в этом доме живет моя подружка...

– Подружка? – встрепенулся приунывший было Маргаритыч.

– ...Но она сейчас в отъезде. Ключи от ее квартиры – у меня. Подождите у подъезда (в дом не приглашаю, боюсь, что сына разбудите), я мигом.

Устроив мужиков на ночлег и пожелав им спокойной ночи, неожиданно появившаяся знакомая удалилась, пообещав утром позаботиться о завтраке.

Проснувшись в незнакомой квартире, друзья сразу приступили к тщательному осмотру кухни. Увы, ни спиртного для Шевченко, ни чая для Потенина, ни даже кофе, который ни один, ни другой не употреблял, они не нашли. Горестные размышления прервал телефонный звонок. Раздраженный Маргаритыч поднял трубку и, буркнув: «Ее нет», – бросил обратно.

– Ты что, совсем больной или нездоровый? – возмутился Славчик, рванув к аппарату после повторного звонка.

– Ну, как спалось? – раздался голос Кати. – Судя по реакции вашего друга, Вячеслав, последствия вчерашнего вечера дают о себе знать. Поэтому милости прошу ко мне в 19-ю квартиру. Подъезд помните?

Завтрак получился дивным: яичница-глазунья, малосольные огурчики, бочковые помидоры, сало и даже брынза («Какая в Киеве может быть брынза?») – мрачно вопрошал про себя мучившийся головной болью Маргаритыч). И, самое главное, бутылочка отменной самогонки. Увы, для никогда не похмелявшегося Потенина даже это обстоятельство не послужило утешением. На уговоры Славы и Кати опрокинуть рюмашку он лишь отрицательно мотал головой.

– Ладно, так и быть, – вздохнула Катерина, – вы, Олег, производите впечатление достойного человека. Поэтому, желая облегчить ваши страдания, не могу не предложить последнее средство – вьетнамская настойка на золотом корне. Это очень редкая и дорогая вещь. Видите, в бутылке совсем немного осталось.

– Спасибо за заботу, но воспользоваться вашим предложением не могу. Во-первых, не стоит тратить на случайного знакомого столь дорогое лекарство. Во-вторых, все равно не поможет.

После настойчивых уговоров Маргаритыч все же сдался. Долго держал рюмку в руках, не решаясь на глоток. Затем отставил ее, встал из-за стола, открыл кухонную дверь, то же самое проделал с дверью в туалет, убрал в коридоре все лишнее, чтобы не споткнуться во время спринтерского забега к «горшку», и лишь после этого решил отправить содержимое в рот. Славчик

с хозяйкой, с любопытством наблюдавшие за телодвижениями Олега, замерли: что дальше последует? Маргаритыч, напрягшись, несколько минут сидел неподвижно, готовый немедленно сорваться к спасительному унитазу. Затем, расслабившись, присосался к одиноко расположенному у него в тарелке помидору и, отдышавшись, смущенно попросил:

– Катя, вы меня извините, но можно еще порцайку? Не волнуйтесь, расходы я возьму.

Повторив процедуру, Потенин резко повеселел.

– Это чудо! Вы – богиня, Катя! А настойка ваша – чудо. Где ее можно достать? У вас есть знакомые вьетнамцы?

– И вьетнамцы, и китайцы, и немцы, и евреи, – смеясь, ответствовала Катерина. – При моей работе кого только нет. Что же касается настойки, то вынуждена вас разочаровать: это обыкновенная водка, настоящая на корне.

– На золотом?

– А кто его знает?! Соседка дала, сказала, что облагораживает.

– Это ж надо, столько лет мучил себя, отказываясь от опохмелки, – жаловался Маргаритыч другу на обратном пути. – Какая же Катя все-таки молодец!

– Она – моя женщина, – подтвердил Вячеслав.

– Почему же твоя? Это меня она назвала достойным человеком, а не тебя! И от головной боли спасла.

– Во-первых, меня не надо было спасать. Во-вторых, тебя попросту пожалели. Не спорь, она – моя женщина.

– Посмотрим!

А что там было смотреть? Потенин в тот же вечер уехал, а Шевченко остался. До самых, как впоследствии он любил цитировать протопопа Аввакума, до самых смерти.

